

УДК 165.7

Р.В. Ткаченко*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, 99053**E-mail: fsn.sntu@gmail.com***ПРОБЛЕМА СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Рассматриваются различные аспекты соотношения мета- и объектных языков в аналитической философии, а также даётся сравнительный анализ концепций различных философов (Л. Витгенштейн, М. Шлик и др.), занимавшихся данной проблемой.

Ключевые слова: язык, аналитическая философия, концепция, метаязык.

Как известно, постклассическая философская парадигма включала в себя не только те направления, которые с известным предубеждением относились к научно-ориентированной философии (например, философия жизни и экзистенциализм), но и направления, базировавшиеся на строгом сциентистском фундаменте. Одним из подобных сциентистских направлений выступает аналитическая философия, которая подвергла логико-лингвистическому экзамену правомерность классических философских систем. Философия, в контексте аналитической школы, интерпретируется либо как наука близкая к математической логике (Бертран Рассел), либо как путь к науке, деятельность по прояснению мысли и суждений (Людвиг Витгенштейн).

Необходимо заметить, что для всех представителей аналитической философии характерно одно то же свойство, а именно – преобладающий интерес к институту языка. С одной стороны данный подход значительно сужает поле философского исследования, с другой же – позволяет глубже понять различные семиотические аспекты. Показательно, однако, что данный интерес с течением времени становится всё более разнообразным.

Людвиг Витгенштейн, один из крупнейших философов XX века, выработал идеи оказавшие существенное влияние, как на логический позитивизм, так и на постпозитивизм. Главной целью философии Витгенштейна становится достижение ясности, которая бы имела как теоретическое, так и практическое значение. Требуя ясности при формулировке философских проблем, он исходил из принципа, что данные проблемы в большей степени связаны с дефектным употреблением языка и с нарушениями его внутренней системной логики.

Научные законы, по Витгенштейну, не являются совокупностями предложений, так как обладают иной природой. Они, прежде всего, выступают как способы унифицированного описания большого количества фактов: «Ньютонова механика, например, приводит описание универсума к унифицированной форме» [1, с. 23]. Далее Витгенштейн уточняет: «Все предложения, такие как закон причинности, закон непрерывности в природе, закон наименьшего сопротивления – все они являются априорными интуициями возможных форм научных предложений» [1, с. 25]. Индукция выступает, таким образом, как процесс акцептации элементарного закона, согласующегося с явлениями.

Подобная интерпретация природы научных теорий и принципов неизбежно провоцирует вопрос: как они соотносятся с реальностью? Для ответа на него Витгенштейн прибегает к следующему примеру. Представьте себе белую поверхность с хаотически расположенными на ней чёрными пятнами. Можно дать описание данной плоскости, накладывая на неё сеть с квадратными ячейками и отмечая для каждого квадрата, является он белым или чёрным. Выбрав достаточно мелкие ячейки, можно получить унифицированное описание поверхности. Однако оно будет произвольным, так как с таким же успехом можно было бы использовать сеть с треугольными или шестиугольными ячейками. Различным сетям соответствуют различные системы дескрипции мира. Механика сама уподобляется подобной сети: она определяет способ описания мира, задавая свои аксиомы и правила, по которым выводятся прочие предложения.

Так как поверхность можно описывать с помощью и треугольной, и квадратной, и иной сети, тот факт, что мы описали её, используя квадратную сеть, практически ничего не говорит о свойствах самой поверхности. Однако если её удастся полностью описать с помощью сети определённой конфигурации, то данный факт уже выступает как характеристика поверхности. Подобно этому, тот факт, что структура реальности описывается с помощью механики Ньютона, ещё ничего не говорит о самой структуре реальности. Действительно, хотя практически на протяжении двух столетий факты успешно описывались этой механикой, это не препятствовало тому, что в качестве базовой интерпретационной концепции реальности её сменила теория относительности Эйнштейна. Действительно, в истории науки периодически происходят научные революции. Витгенштейн своим утверждением просто зафиксировал данное обстоятельство. Но в то же время, то насколько успешно и полно удаётся описать структуру

реальности с помощью механики Ньютона, уже, в какой-то мере, говорит нам что-то и о самой реальности.

Таким образом, хотя Витгенштейн относительно научных теорий придерживается позиции конвенционализма. Теории в его изображении не совсем произвольны, а реальность не совсем пассивна и безразлична к любым формам дескрипции. Теория и факты, иллюстрирующее, насколько успешно её применение, что-то говорят и о самой реальности. Но, тогда возникает вопрос, что именно говорит о реальности тот факт, что механика Ньютона с концепцией абсолютного пространства и времени успешно применяется к определённому кругу явлений? Ответ представляется очевидным и он равнозначен определению границ применимости механики Ньютона с точки зрения теории относительности. Но представляет ли из себя теория относительности финальную парадигму в развитии науки?

Стоит заметить, что при осмыслении значения научных концепций Витгенштейн в большей мере акцентирует значение языка, чем значение логики. Размышляя над ролью языка, он пытается выработать ответ на вопрос: каким образом язык, как механизм дескрипции соприкасается с миром предметов и внутренним миром человека?

Витгенштейн исходит из того, что мы воссоздаём окружающую нас реальность средствами языка, то есть, именуем мир. Картина реальности, по Витгенштейну, является изображением и в качестве такового она должна иметь с изображаемым нечто общее. В чём же может выражаться это общее, ведь логические и языковые знаки не похожи на реальность ими обозначаемую? Данное обстоятельство не закрывает путь к обнаружению логики мира. Согласно позиции Витгенштейна, структура логики является действующим аналогом структуры мира. Логика же находит непосредственное отображение в языке: «изображать в языке нечто «противоречащее логике» столь же невозможно, как и изображать в пространственных координатах фигуру, противоречащую законам пространства, или же указывать координаты несоответствующей точки» [1, с. 11].

Следовательно, структура логики и языка действительности является одной и той же. Логика предметного мира во всём элементарном многообразии релевантна субъектной логике и в данном смысле изоморфна. Язык, в системе Витгенштейна, занимает срединное положение между логикой (как искусственно разработанной системой) и действительностью, причем акцент в данной системе делается не на языке, а именно на логике.

На первый взгляд может показаться, что язык, существует ли он в форме речи или письма, не вносит изменения в действительность. Следовательно, в языке лишь констатируется наличное положение дел. С данным утверждением был категорически не согласен Джон Остин, работавший параллельно с Витгенштейном над философской теорией языка. Видоизменяя концепции Витгенштейна, Остин вводит представление о перформативных высказываниях являющихся осуществлением действия. Он с максимальной тщательностью подверг анализу высказывания и, по сути модальности «Я знаю, что», «Я обещаю, что», «Я делаю». Исследования показывают, что к двум последним высказываниям неприменимо ситуативное различие истинно/ ложно, следовательно, он не выступают как описательные. Перформативные высказывания осуществляют некое действие, обещание, уговаривание, приказывание или предупреждение. Более того, даже классическое логическое высказывание «S есть P», а, по Остину, его следует переформатировать в виде: «Я знаю, что S есть P», фактически уже не является чистым описанием. Принимая во внимание не аутентичность критерия возможности и истинности по отношению к перформативным высказываниям, Остин полагает, что они могут быть оценены лишь в терминах выполнимости и невыполнимости.

Представители «Венского кружка» Мориц Шлик и Рудольф Карнап также проявляли интерес к научному постижению мира на основе данных логики, математики и физики. Несмотря на общность философских позиций Шлик в своих исследованиях делал основной упор на семантику, Карнап же отдавал первенство синтактике.

Основу новой философии Шлик видел не в логике как факте, а в природе и возникновении логики. Ключевое значение здесь придаётся теории репрезентации, в рамках которой каждый элемент познания рефлектирует процесс в целом. При этом не уточняется место копии и оригинала. Ключ к пониманию логики «следует искать в том факте, что всякое познание есть выражение, или репрезентация. А именно познание выражает тот факт, который в познании познаётся» [2, с. 29]. Идея Шлика кажется очевидной: данные наблюдений позволяют исследователю сформулировать протокольные предложения, на основании которых осуществляются предсказания. Если данные предсказания подтверждаются экспериментальными фактами, то это переводит протокольные предложения из разряда гипотетических в разряд достоверных.

В некоторых положениях утверждения Шлика перекликаются с утверждениями Витгенштейна: мир – это не кантовская вещь-в-себе, а мир нашего языка. «Всякое познание есть выражение или репрезентация. А именно познание отражает факт, который в познании познаётся. Так что всё знание является знанием в силу формы языка. Именно через язык оно репрезентирует познанный факт. Исследования, касающиеся человеческой способности к познанию» заменяются тогда соображениями,

касаючимися природи вираження или репрезентации, т.е. всякого возможного «языка» в общем смысле» [2, с. 30].

Следовательно, в системе Шлика, вопросы об истинности и границах познания исчезают. Познаваемо только то, что может быть выражено. То, что принималось раньше за такие вопросы (метафизические вопросы об истинности и границах познания) являются бессмысленными цепочками слов. Подтвержденные наблюдением и непосредственным опытом факты, описываются «протокольными предложениями», на которые переносится центр тяжести всей концепции. Протокольные предложения, их структура и функция выступает как форма, в которую аналитическая философия попыталась облечь поиски последнего основания познания.

«Если нам удастся выразить факты в протокольных предложениях, без какого-либо искажения, то они станут абсолютно несомненными отправными точками знания. Данные предложения образуют твердый базис, которому все наши познания обязаны присущей им степени правильности» [2, с. 34]. «Очищающая» науку от метафизики процедура верификации при помощи «протокольных предложений» является доминантой для всего логического позитивизма.

«Я убежден, – указывал Шлик в статье «Поворот в философии», написанной в 1930 году, – что мы сейчас переживаем решительный поворот в философии, и наше мнение о том, что бесплодному конфликту систем пришёл конец, можно оправдать вполне конкретными соображениями. Уже сейчас мы обладаем методами, которые делают подобные конфликты в принципе ненужными» [2, с. 29].

Данный «конфликт систем» попытался разрешить в границах концепции «языковых каркасов» Рудольф Карнап. «Языковой каркас» Карнапа несколько схож с такой формой как «язык» Витгенштейна, интерпретирующей любую науку (например, физику) именно как специфический язык. Сходным с Витгенштейном было и отношение к вопросу о науке и реальности «самой по себе». Науку и реальность Карнап дифференцирует, предлагая различить два вида вопросов о существовании: первый – вопросы о существовании определённых объектов нового вида в данном каркасе; данные вопросы можно назвать внутренними; второй – вопросы, касающиеся существования или реальности системы объектов в целом (внешние вопросы). Внутренние вопросы и возможные ответы на них формулируются с помощью новых форм выражений. Ответы на них могут быть найдены или чисто логическими методами, или эмпирическими – в зависимости от того, является ли каркас логическим или фактическим. Понятие реальности, встречающееся во внутренних вопросах, является эмпирическим и, следовательно, лишено метафизических оттенков. Признать что-либо реальным объектом либо событием – значит суметь включить данный объект в систему объектов в определённом пространственно-временном положении среди иных объектов, признанных реальными, в соответствии с правилами языкового каркаса. От подобных вопросов, согласно Карнапу, мы должны отличать внешний вопрос о реальности самого мира. В противоположность вопросам первого рода данный вопрос поднимается не рядовым человеком, не позитивистами, а метафизиками. Данный вопрос невозможно разрешить, так как он поставлен некорректно. Быть реальным в научном смысле – значит выступать элементом системы; следовательно, данное понятие не может осмысленно применяться к самой системе. Принять мир вещей – значит, принять определённую форму языка и принять правила образования предложений и их верификации. Но тезис о реальности мира объектов не может фигурировать среди подобных предложений, так как он не может быть сформулирован ни на вещном языке, ни на каком – либо ином теоретическом языке.

Однако по мере того как осознавались трудности описания с помощью данной концепции не только теоретической, но и экспериментальной работы в области физики и других естественных наук, концепция «протокольных предложений» проходила через ряд стадий.

Первая – это стадия «протокольных предложений» феноменистического языка, которые мыслились как выражающий чистый опыт без какого-либо понятийного истолкования (утверждения типа «Сейчас я вижу красное» и др.).

Вторая стадия – понятие «протокольных предложений», выраженных в физикалистском языке, фиксирующем пространственно-временные связи. Последняя, третья стадия – понятие «предложений наблюдения» вещного языка, предложения и термины которого обозначают чувственно воспринимаемые вещи и их свойства.

На всех трёх стадиях эмпирическая основа науки остается неприкосновенной, то есть трансформации реальности не происходит. Термины наблюдения заимствуют свои значения из чувственного опыта; данный опыт, в свою очередь, определяются работой органов чувств, а поскольку органы чувств у людей не изменяются, постольку эмпирические термины и состоящие из них протокольные предложения оказываются нейтральными по отношению к теоретическому знанию и его изменению. Согласно концепции Карнапа, язык Аристотеля, Ньютона и Эйнштейна оставался одним и тем же, не смотря на различие их теоретических представлений. Здесь сохраняется и гносеологическая последовательность языка наблюдений: познание начинается с констатации фактов, с установления протоколов наблюдения; затем наступает очередь генерализации результатов наблюдения.

Однако при помощи многочисленных исследований к середине XX века было доказано, что подобного универсального языка, примененного ко всем концепциям, в научном познании просто не существует. Тот язык, который выполняет в науке функцию описания эмпирических данных, всегда несёт в себе и теоретическую нагрузку. Так, большинство измерений в естественных науках (например, сила, масса, электрический заряд) могут быть осмыслены только внутри определённых теоретических систем.

Следует отметить, что Карнап с большим вниманием, чем Шлик, относился к синтактике, разработку которой он считал одним из важнейших дел своей жизни. В отличие от Шлика Карнап сосредоточился на выяснении логического характера синтаксиса языка. Для того чтобы построить логический язык, необходимо задать характеристики знаков и правила преобразования одних высказываний в другие. Здесь Карнап трактует синтактику как максимально автономное образование. Всё богатство синтактики находится в ней самой и имеет логический характер. Относительно количества логических языков не существует никаких ограничений (согласно принципу толерантности). Главное, чтобы язык был построен правильно.

Взаимная автономность семантики и синтактики привела Шлика и Карнапа к убеждению, что истинность аналитических и синтетических предложений определяется принципиально по-разному. Синтетические предложения, в отличие от аналитических, обладают фактическим содержанием. Например, для того, чтобы определить истинность синтетического предложения «Земля вращается вокруг Солнца», необходимо обратиться к фактам. Истинность аналитического утверждения «Единорог имеет один рог на голове» содержится в нём самом и определяется значением его терминов, «единорог» по определению обладает одним рогом. Истинность всех предложений логики и математики изначально заключена в них самих. Истинность же предложений физики требует опоры на факты. Аналитические предложения относятся к языку неэкспериментальных наук. Синтетические предложения относятся к полю исследования семантики, аналитические же предложения входят в состав языка синтактики.

В отличие от представителей «Венского кружка» Уиллард Куайн частично становится на позиции эмпиризма. В основе его системы лежит необходимость рассуждать в рамках той или иной теории. Обосновывая примат теории Куайн указывал, что «даже наши изначальные объекты – тела – уже являются теоретическими» [3, с. 340], «все объекты я считаю теоретическими» [3, с. 339]. Данное означает, что аналитические и синтетические предложения (а, следовательно, и семантика и синтактика) объединяются в единое целое. Знаменитый пример, к которому неоднократно прибегал Куайн, гласит: аналитическое утверждение «Всякий холостяк не женат» не совпадает с логическим суждением «Всякий x есть x ». То есть в отличие от x выражение «всякий холостяк» обладает обозначающей функцией.

Данный подход выражается и в куайновской интерпретации роли науки. Становясь на позиции холизма, он указывал: «холизм соединяет различные гипотезы, теории, убеждения, истины и даже когда имеют в виду что-то одно, иные элементы тоже получают поддержку» [4, с. 46]. Составной частью холистического объединения выступают, в том числе, и законы математики, которые предполагают экспериментальный результат. При апологии холистического характера экспериментального контроля, Куайн опирается на концепцию прагматизма, то есть, конечное значение предположений подразумевает проверку в практической деятельности.

Необходимо заметить, что противостояние партикуляризма Карнапа и холизма Куайна коррелирует с важным эпистемологическим вопросом, а именно: имеют ли фактуальное содержание логико-математические науки? Если такое содержание имеется, то данные науки тесным образом взаимосвязаны с фактами. Если же нет, то предложения логико-математических наук имеют иной характер, нежели предложения фактуальных наук. Стоит отметить, что именно второй позиции и придерживался Карнап. Его партикуляризм имел в своей основе различие аналитических предложений логики и математики. Куайн же объединял аналитические и синтетические предложения. Согласно его концепции все науки фактуальны, включая логику и математику.

Подход Куайна снимает противоречие между аналитическими и синтетическими предложениями. Логика и математика более опосредовано, чем физика, в конечном счете, связаны с фактами. Критика Куайна оказала влияние на многих представителей неопозитивизма. Тем не менее, в ряде случаев, как выяснилось, деление на аналитические и синтетические предложения должно быть сохранено. В своей работе логики и математики зачастую обращаются с выбранным материалом именно как с аналитическими предложениями.

Куайн критически подходит как к индуктивизму неопозитивистов, так и к гипотетическому дедуктивизму постпозитивистов. Согласно позиции Куайна, теория является одной из составляющих жизненного опыта человека, проявляющегося в результате воздействия внешнего мира на чувствительность человека, последующей языковой игры и проверки гипотез в практике. В случае Куайна отчётливо выделяются следующие новации аналитической философии: опора на концепт языковой игры и прагматику поведения (физикализм неопозитивистов трансформируется Куайном в натурализм).

Концепт языковой игры, более содержательный, чем индукция и дедукция, занимает в аналитической философии центральное место и требует более тщательного анализа.

Концепт языковой игры, как понятие, появляется в поздних работах Людвиг Витгенштейна. Главное нововведение позднего Витгенштейна состоит в выборе в качестве референтной (денотативной) системы для языка не мира со-бытий, а поведения людей. «Совместное поведение людей – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык» [5, с. 164]. В этом случае значение слова и смысл предложения – это его употребление в языке. Для разрешения встающих перед исследователем проблем необходимо связать язык со сферой реальных действий. Тогда язык утратит свою таинственность. «Философские проблемы возникают, когда язык прибывает в праздности. Вот тут-то и в самом деле можно вообразить, будто наименование представляет собой какой-то удивительный душевный акт, как бы крещение объекта» [5, с. 87]. Между тем наименование – это всего лишь подготовка к действию. То же самое характерно и для концентрации внимания.

Слово обладает семейством значений. Именно поэтому при подготовке к действию язык выступает как языковая игра. Философствуя человек, пребывает в языковом хаосе. Языковые игры позволяют прояснить положение дел без того, что бы непременно выдвигалось философское пустое требование о заведомо верной идее, которая должна соответствовать действительности. Свообразными образцами, моделями являются сами языковые игры. Именно они, а не что-либо другое проливают свет на возможности языка.

Для характеристики гносеологического процесса Витгенштейн использует представление о вере, сомнении и достоверности. Сомнение приходит после веры. «Я очень много выучил и принял, доверившись авторитету людей, а затем многое нашло подтверждение или опровержение в собственном опыте» [5, с. 343]. После сомнения приходит уверенность и убежденность, но субъективная, а не абсолютно достоверная. «Представления о «соответствии» действительности не имеет какого-то ясного применения» [5, с. 346].

Языковые игры видоизменяются в зависимости от объекта. Например, они могут иметь дело с внутренним и внешним миром человека, с настоящим или будущим. «Хотя ты и можешь быть полностью уверенным в душевном состоянии другого, но эта уверенность всегда только субъективна, а не объективна. Два эти слова указывают на различия между языковыми играми» [5, с. 313]. Вид достоверности, субъективной или объективной – это вид языковой игры. Например, математическая достоверность признаётся всеми математиками, и её отрицание привело бы к разрушению всей математической системы.

С этикой, эстетикой и религией связаны специфические языковые игры и ни в одной из этих трёх случаев речь не идёт об объективной действительности. «Людей нельзя вести к добру; вести их можно лишь куда-то. Добро лежит вне плоскости фактов» [5, с. 414]. В искусстве вещи непосредственно явлены взору, чего нет в религии. В поздний период философской деятельности Витгенштейн выводит этику, эстетику и религию из предумыслительного умалчивания в сферу языка. Стремление же выйти за границу языка Витгенштейн изначально опровергает. «Этот выход за пределы, за стены нашей клетки совершенно, абсолютно безнадежен. Этика, поскольку она основана на желании сказать нечто об идеальном (предельном, абсолютном) смысле жизни, абсолютном добре, абсолютной ценности, – такая этика не может быть наукой. Всё, что она говорит, ничего не прибавляет к нашему знанию в любом смысле этого слова» [6, с. 90].

Витгенштейн попытался использовать концепт языковой игры и при осмыслении оснований математики. В «Философских исследованиях» он приходит к выводу, что «логический вывод – это часть языковой игры» [5, с. 89]. Свообразность философской позиции Витгенштейна состояла в том, что он понимал науку не более чем подспорье в практике человека. Язык науки в «Философских исследованиях» ничем не отличается от повседневного языка: и тот и другой – всего лишь языковая игра, вплетённая в практику форм жизни. Оба языка при чрезмерном акценте на практику явным образом освобождаются от рефлексии. Стоит отметить, что здесь Витгенштейн довольно рискованно поступает как с синтактикой, так и с семантикой научных языков. Синтактика в его трактовке приобретает произвольно игровой характер, семантика игнорируется ещё в большей степени, значение слова освобождается от его обусловленности референтами и всецело переводится в область употребления. То есть, значение слова становится эквивалентом его употребления.

Стоит обратить внимание на две тенденции, явно прослеживающиеся в развитии современной аналитически-лингвистической философии. Во-первых, это слияние в каждом языке семантики, синтактики и прагматики, поскольку односторонне семантические, синтактические или строго прагматические подходы чаще других становились объектом критики. Во-вторых, рассмотрение проблемы соотношения аутентичного метаязыка (языка, при помощи которого осуществляется исследование) и объектного языка (языка, выступающего предметом исследования).

Однако, при данном подходе, вполне вероятно возникновение следующей ситуации. В принципе, ничто не препятствует тому, чтобы метаязык сам превратился в язык – объект для другого метаязыка. Не исключено, что сама устоявшаяся знаковая система, составляющая основу аналитической философии, может превратиться в подобный язык – объект, в случае, если появится наука, которая сделает семантику, синтактику и прагматику (то есть, составные части семиотики) своим предметом. Если мы согласимся считать гуманитарными науками связанные, исчерпывающие и простые языки, то есть языковые операции, то каждая вновь возникающая наука предстанет, прежде всего, как новый метаязык, делающий своим предметом метаязык, существовавший ранее и в то же время нацеленный на реальный объект, лежащий в основе данных описаний. В этом случае история науки в известном отношении превратится в смену метаязыков, и может оказаться, что любая наука, в изначальности несёт собственную гибель в форме языка, который сделает её своим предметом. В итоге возникает ситуация, когда «сама история, создавая всё новые и новые метаязыки, делает объективность мира преходящей» [7, с. 344].

Библиографический список

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. / Л. Витгенштейн. — М.: Гнозис, 1994. — 414 с.
2. Шлик М. Поворот в философии / М. Шлик // Аналитическая философия. Избранные тексты. — М.: МГУ, 1993. — 256 с.
3. Куайн У. Вещи и их место в теориях / Аналитическая философия: становление и развитие. — М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. — 423 с.
4. Куайн У. Логика XX века / У. Куайн // Американский философ. — М.: Гнозис, 1998. — 326 с.
5. Витгенштейн Л. Философские работы Ч. 2. / Л. Витгенштейн. — М.: Гнозис, 1994. — 469 с.
6. Витгенштейн Л. Лекция по этике / Л. Витгенштейн // Общественные науки за рубежом. Сер. Философия. — М.: ИНИОН, 1991. — № 3. — С. 79–90.
7. Барт Р. Нулевая степень письма / Р. Барт. — М.: Академический проект, 2008. — 431 с.

Поступила в редакцию 7.12.2009 г.